

КОД РОЗЫ

KATE QUINN

THE ROSE
CODE

КЕЙТ КУИНН

КОД
РОЗЫ

РОМАН

Перевод с английского

Елены Сафф

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
К89

18+

THE ROSE CODE by KATE QUINN

Copyright © 2021 by Kate Quinn

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с согласия HarperCollins Publishers
и при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского *Елены Сафф*
Редактор *Владимир Потапов*

Оформление обложки *Елены Сергеевой*

Кейт Куинн

К89 Код розы: Роман / Пер. с англ. Е. Сафф. — М.: Фантом Пресс, 2023. — 640 с.

Новый роман «королевы исторической беллетристики» Кейт Куинн — это история времен Второй мировой войны о трех шифровальщицах и шпионе, которого они должны вывести на чистую воду. В 1940-м, когда Англия уже ведет войну с нацистами, три очень непохожие женщины встречаются в поместье Блетчли-Парк, где в обстановке полной секретности лучшие умы Британии работают над расшифровкой радиосообщений немцев.

Озла — легкомысленная дебютантка из высшего света, крутящая роман с Филиппом, Принцем Греческим, который через несколько лет станет мужем будущей королевы Елизаветы. Маб — осанистая красавица с трудной судьбой из рабочего района Лондона. И Бетт — тихая мышка из провинциального городка, живущая под тиранической пятой ханжи-матушки. Их объединяет война, неожиданные способности, которых они в себе и не подозревали, и работа, странная, интересная и очень важная. «Код Розы» — это сложное переплетение военной истории, любовных линий, шпионских страстей, но прежде всего потрясающе выписанная история женской дружбы в военные годы.

ISBN 978-5-86471-910-7

© Елена Сафф, перевод, 2022
© «Фантом Пресс», оформление, 2022
© «Фантом Пресс», издание, 2022, 2023

*Посвящается ветеранам Блетчли-Парка
Вы изменили мир*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осенью 1939 года казалось, что Гитлера уже не остановить.

Связь во всех родах войск Германии осуществлялась с использованием ручных шифров, кодов телетайпа, а главное — машин «Энигма». Эти переносные шифровальные устройства превращали тексты приказов в бессмысленный набор букв, который передавался морзянкой по радиоволнам и расшифровывался при получении.

Даже если союзникам удавалось перехватить зашифрованные депеши, прочитать их они не могли. Немцы считали, что «Энигму» взломать невозможно.

Но они ошибались.

ПРОЛОГ

8 ноября 1947 года

Лондон

Головоломка прибыла с послеобеденной почтой, запечатанная, замызганная. И убийственная.

Двадцатишестилетняя Озла Кендалл — волосы темные, на щеках ямочки, губы искривлены в презрительной усмешке — стояла посреди своей крохотной квартирki в Найтсбридже, которая выглядела так, словно ее только что бомбили «юнкерсы». Облаченная лишь во французскую кружевную комбинацию и дурное настроение, она разглядывала будто взрывом разметанные ворохи шелка и атласа. «Двенадцать дней до свадьбы века!» — восхищенно оповещал сегодняшний «Татлер»¹. Озла работала в «Татлере»; ей пришлось настроить туда омерзительную колонку, озаглавленную: «А что наденешь ТЫ?»

Она взяла в руки розовое шелковое платье, расшитое завитками стразов.

— Как насчет тебя? — спросила она у платья. — Можешь сказать: «Я выгляжу просто сногшибательно, и плевать, что он женится на другой»?

Почему-то на уроках этикета в пансионе никогда не касались таких тем. Впрочем, какая разница, что она наденет. Все присутствующие в соборе будут в курсе: прежде чем появилась сегодняшняя невеста, жених и Озла были...

В дверь постучали. Поспешно набросив пеньюар, Озла отворила. Квартирка, конечно, невелика, но большего на свою зарплату

¹ *Tatler* — основанный в 1901 году британский журнал о моде и высшем свете. — *Здесь и далее примеч. перев.*

в «Татлере» она не могла себе позволить, если хотела жить одна и при этом поблизости от всего интересного. Мать пришла в ужас: «Как, у тебя нет ни горничной? Ни швейцара? Переезжай ко мне, милая, пока не найдешь себе мужа. Тебе ведь вовсе не нужно *работать*». Но Озла всю войну провела, кочуя с приятельницами по чужим гостевым спальням. Теперь она была согласна поселиться хоть в чулане, лишь бы он принадлежал ей одной.

— Почту принесли, мисс Кендалл, — сообщила ей стоявшая в дверях прыщавая дочка квартирной хозяйки. Ее глаза метнулись к розовому платью, перекинутому через руку Озлы: — О-о, это для королевской свадьбы? В розовом вы будете смотреться просто потрясающе!

«Выглядеть потрясающе — этого мне мало, — подумала Озла, забирая стопку писем. — Я хочу затмить принцессу, настоящую, урожденную принцессу. И, надо признать, не могу».

— Прекрати немедленно! — приказала она себе, закрывая дверь за хозяйской дочкой. — Не смей впадать в уныние, Озла Кендалл.

По всей Британии женщины ломали голову, что надеть на самый большой праздник после Дня победы в Европе¹. Лондонцы собирались заранее занять места вдоль улиц, чтобы своими глазами увидеть украшенные цветами свадебные кареты и коляски. Сама Озла получила приглашение на церемонию венчания в Вестминстерском аббатстве. Уж за одно это надо быть благодарной, не то она рискует превратиться в одну из тех несносных мейфэрских² зануд, которые ноют, как это скучно — отправляться на главное светское событие века, какая морока — забирать из банка хранящиеся там фамильные бриллианты. Ах, что за мука — принадлежать к кругу избранных!

— Все будет тип-топ, — процедила Озла сквозь зубы. Она вернулась в спальню и отбросила розовое платье, которое повисло на настольной лампе. — Просто тип-топ.

Вообще-то приятно было видеть, как Лондон хорошеет, расцветая пестротой транспарантов и конфетти, как приготовления

¹ В Великобритании отмечают День победы в Европе (8 мая) и День победы над Японией (15 августа). Хотя днем окончания Второй мировой войны считается последняя дата, в 1945 году главные празднества были приурочены именно к победе в Европе.

² *Мейфэр* — фешенебельный район в центре Лондона.

к свадьбе рассеивают ноябрьский холод и послевоенный мрак. Сказочное бракосочетание принцессы Елизаветы Александры Марии и красавца лейтенанта Филиппа Маунтбеттена (бывшего принца Филиппа Греческого) должно было отметить начало новой эпохи, в которой, хотелось надеяться, канут в прошлое продуктовые карточки и можно будет намазывать на сконы¹ сколько хочешь масла. Озла была всецело за то, чтобы пышно отпраздновать наступление новых времен, — ведь, если подумать, ее собственная история тоже завершилась по-сказочному, с этим согласится любая женщина. Достойная служба на протяжении всей войны (пусть о ней никогда-никогда нельзя будет проронить ни слова), квартира в Найтсбридже, которую она оплачивает из собственного жалования, гардероб, битком набитый модными нарядами, работа, состоящая в написании всякой занятой болтовни в «Татлер». А также жених, который надел ей на палец кольцо со сверкающим изумрудом, — да-да, не будем забывать жениха. Нет, у Озлы Кендалл не было решительно никаких причин паниковать. Да и вся эта история с Филиппом закончилась уже несколько лет назад.

И все же если бы ей удалось придумать предлог уехать из Лондона — если бы нашелся способ оказаться в другом месте (например, в Сахаре или, скажем, на Северном полюсе, да где угодно) в тот миг, когда Филипп склонит свою золотоволосую голову и принесет брачные обеты будущей королеве Англии... О, Озла не упустила бы шанс уехать.

Одной рукой она ерошила свои и без того растрепанные темные кудри, другой разбирала почту. Приглашения, счета... и замызганный конверт. Внутри лишь неровный лист бумаги с бессмысленным набором букв, образующим квадрат.

На мгновение мир покачнулся, и Озла вернулась в прошлое — в вонь угольных печурок и мокрых шерстяных свитеров вместо запаха полироля и папиросной бумаги, в скрип карандашей вместо гула лондонского дорожного движения. «Оз, а что такое *Klappenschrank*? Девочки, у кого под рукой словарь?»

Озла не стала задумываться о том, кто мог прислать ей эту бумажку. Давно дремавшие нейронные связи оживились в ее мозгу

¹ *Скон* — вид сдобной булочки, традиционно подается с маслом и джемом к чаю.

и скомандовали: «Не задавай вопросов, просто принимайся за работу». Она уже водила пальцем по торопливо нацарапанным буквам. «Это шифр Виженера¹, — произнес в ее памяти негромкий женский голос. — Сейчас покажу, как его взламывают при помощи ключа. Но можно и без...»

— Ну, я-то без ключа не умею, — пробормотала Озла. Она не входила в число спецов, взламывавших шифры при помощи одного лишь карандашного отгрызка и нелинейного мышления.

На конверте стоял незнакомый штемпель. Ни подписи, ни обратного адреса, а шифр был набросан так поспешно, что почерк мог принадлежать кому угодно. Зато на оборотной стороне послания обнаружился заголовок — похоже, лист выдрали из принадлежавшего учреждению блокнота.

КЛОКУЭЛЛЬСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ДЛЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

— Нет, — прошептала Озла. — Нет...

Но она уже нашаривала карандаш в ящике письменного стола. Снова воспоминание. Чей-то голос со смехом декламирует:

«Думал ты, что вечна слава, но пробил твой смертный час,
Когда девушки из Блетчли разгадали твой приказ».

Озла знала, какой у этой записки ключ. ДЕВУШКИ.

Она склонилась над бумажкой. Заскрипел карандаш, и постепенно криптограмма перестала быть загадкой.

«Стоунгров 7602»

Озла сделала глубокий вдох, ловя слова, долетавшие через потрескивание по телефонным проводам из самого Йоркшира. Удивительно, как легко узнать голос всего по паре слов, даже если не слышала его уже несколько лет.

— Это я, — сказала Озла. — Ты его получила?

¹ Метод полиалфавитного шифрования текста с использованием ключевого слова. Его изобретение приписывают французскому дипломату и криптографу Блезу де Виженеру (1523—1596).

Пауза.

— Прощай, Озла, — холодно ответила бывшая подруга.

Никаких «А кто это?» — та ее тоже узнала.

— Не смей бросать трубку, миссис... как там тебя теперь звать.

— Держи себя в руках, Оз. Нервишки шалят, потому что через две недели за принца выходишь не ты?

Озла закусила нижнюю губу, удерживаясь от резкого ответа.

— Я звоню не для того, чтобы шутки шутить, — сказала она. — Ты получила письмо или нет?

— Получила что?

— Ну Виженер же. В моем упоминаешься ты.

— Я только что вернулась с моря, где провела все выходные. Почту еще не разбирала. — Где-то рядом с трубкой зашуршала бумага. — Слушай, зачем ты мне звонишь? Я не...

— Оно от *нее*, понимаешь ты? Из *клиники*.

Ошеломленное молчание на том конце провода.

— Не может быть, — ответила наконец собеседница.

Озла знала: в этот момент они обе думали об одном и том же человеке. О третьем члене их блистательного трио военных лет.

Снова шуршание, звук разрывающейся бумаги, а потом Озла услышала изумленный вдох и поняла, что далеко, в Йоркшире, из конверта извлекли другой зашифрованный квадрат.

— Расшифровывай, как она нас учила, — поторопила Озла. — Ключ — «девушки».

— «Когда девушки из...» — Голос в трубке смолк, не дойдя до следующего слова.

Они настолько привыкли к конспирации, что не смели произнести по телефону что-либо мало-мальски важное. Когда Закон о государственной тайне уже семь лет удавкой висит у тебя на шее, учишься прерывать собственные слова и мысли. В трубке послышался скрип карандаша. Озла начала бездумно расхаживать по комнате, три шага вперед, три шага назад. Разбросанные по спальне наряды выглядели как третьесортная пиратская добыча — яркие тряпки, тонущие в ворохе папиросной бумаги, картонных коробок, воспоминаний и прошедшего времени. Вот три девушки смеются, помогая друг дружке застегивать пуговицы на спине: «А ты в курсе, что в Бедфорде будут танцы? Играет американский оркестр, они знают все последние мелодии Гленна Миллера».

Наконец трубка ожила, из нее донесся настороженный и упрямый голос:

— Мы же не знаем наверняка, что это от нее.

— Не будь душой. Конечно, от нее. Посмотри на бланк. Это ведь оттуда, где она... — Озла тщательно следила за тем, что говорит. — Кто бы еще стал просить нашей помощи?

Трубка брызнула раскаленными от ярости словами:

— Я ей ни черта не должна.

— Она явно считает иначе.

— Кто знает, что у нее в голове? Она ведь сумасшедшая, ты не забыла?

— У нее случился нервный срыв. Это еще не доказывает, что она свихнулась.

— Она провела в дурдоме почти три с половиной года, — тонким, не терпящим возражений, напомнила собеседница. — Мы понятия не имеем, какая она теперь. По записке точно выходит, что чокнутая, — только погляди на эти обвинения...

Разговаривая по открытой телефонной линии, они не могли повторить то, что было написано в шифровке у каждой.

Озла прижала пальцы к векам.

— Нам надо встретиться, — сказала она. — Никак иначе это обсудить нельзя.

Голос в трубке царапнул ее слух, как разбитое стекло:

— Катись к черту, Озла Кендалл.

— Если еще помнишь, мы там вместе служили.

На другом конце Великобритании бросили трубку. Озла осталась спокойной, но рука, когда она опустила свою трубку на рычаг, дрожала. «Три девушки в войну», — подумала она. Когда-то они были не разлей вода.

Пока не настал день высадки в Нормандии, роковой день, когда они раскололись и превратились в двух девушек, которые на дух не переносят друг дружку, и одну, которую поглотил сумасшедший дом.

Внутри часов

Вдали от них изможденная женщина, уставившись в окно камеры, молилась, чтобы ей поверили, — впрочем, почти на это не надеясь.

Ведь она жила в доме безумцев, где истина превращалась в безумие, а безумие — в истину.

Добро пожаловать в Клокуэлл.

Здесьняя жизнь походила на загадку — загадку, которую ей однажды задали во время войны в стране чудес под названием Блетчли-Парк. «Допустим, я у тебя спрошу, в каком направлении вращаются стрелки часов?» — «Ну... — нервно ответила она тогда. — По часовой?» — «А если ты внутри часов, тогда наоборот».

«И вот теперь я внутри часов¹, — подумала она. — Где все идет в обратную сторону и никто никогда не поверит ни единому моему слову».

Кроме, быть может, двух женщин, которых она предала и которые, в свою очередь, предали ее. Когда-то они были ее подругами.

«Пожалуйста, — взмолилась женщина из клиники, устремив взгляд на юг, куда полетели, будто хрупкие бумажные птицы, ее зашифрованные послания. — Поверьте мне».

¹ Первая половина названия лечебницы Клокуэлл переводится как «часы».